

ВЛАДИМИР НЕСТЕРОВСКИЙ

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА: "УГОЛОВНАЯ РОССИЯ"

Казенный дом

Казенный дом не посещают духи,
Они к его переживаньям глухи,
Они обходят за версту его.
Сквозь жалюзи не проникают мухи
И не звенит призывный зуммер в ухе,—
За толщей стен бессильно колдовство.

В казенном доме не живут приметы,
Внезапно не роняются предметы,
Не бьется утром ласточка в окно.
Не пишутся эклоги и сонеты,
От близких не доносятся приветы,—
"Улыбка" здесь рифмуется с "давно".

Сюда имеют доступ аблакаты
Что носят образины, как плакаты,—
Наймнты черта, боговы враги!
Здесь забывают, что земля поката,
Что в мире есть восходы и закаты,
Что ангелы не носят сапоги.

Здесь сон тяжел и тучен до удушья,
Здесь злобным матом затыкают уши,
И снится чертовщина по ночам.
Здесь ночью вопли раздирают душу,
Зовут родных фальшивые кликуши,
А утром рвутся на прием к врачам.

Здесь под трубой обитает мышка.
Ей не грозит ни срок крутой, ни вышка,
Ее лелеют зеки, как дитя.
На ум здесь нужен — гаденький умишко.
Будь терпеливым к людям, но не слишком,
И относись к насмешкам не шутя.

Здесь крылышки свои опустит мистик,
Когда увидит затхлый супик в миске
И убедится, что блажил он зря.
Здесь голос горлопана тоньше писка,
Под нары прячется любитель риска,
Здесь дух кощея, культ календаря.

Дрожит от напряженья воздух кислый:
На волю волны шлут титаны мысли,
Забыв на время домино и мат.
На рожи лохмы грязные нависли
Сверлят запоры взглядом ненавистным.
Но здесь, увы, бессилён телепат.

Я в первый день мечтал, чтоб ты приснилась
И, как тогда, в любви мне объяснилась,—
Изысканная муза, ангелок.
Но крики стражников размыли снимок,
И не дошло до нежностей, обнимок—
Упырь тебя куда-то уволок.

А в клетке сердце дергалось опасно
И вспоминались наши игры в Красном,
Тихайшем, ненавязчивом Селе.
Но вызывал я образ твой напрасно.
Я все пытался думать о прекрасном,
О доброте, а думалось о зле.

И для себя решил я: будь что будет...
Пусть говорят, что мы расстались, люди.
Тебя раздвоить — бог не приведи.
Я не сужу, меня сегодня судят...
Но выйдет срок — тюремщики разбудят,
И бросит нас в объятья рецидив.

Сонет 66

Вам десять раз в тюрьме устроят шмон. ✓
Разденут и прощупают, как вора.
Обычно процедуру разговора
Ведет нацмен, то бишь татархамон.

А задний мой проход — что прячет он?
Но и туда заглянут, — вот умора!
Такого униженья и позора,
Уверен, не испытывал Вийон.

Пусть отбирают все: ножи, ремни, часы.
Пускай сбывают бороду, усы,
Осматривают зубы и подмышки.

Отдам им все, останусь, как Адам.
Но ни за что, пускай дойду до вышки,
Я ненависти белой не отдам.

Сонет 57

В карман, как деньги, ненависть не спрячешь, ✕
Она торчит в глазах, как два шурупа.
До онемения в затылке, тупо
Я ненавижу зеков морды рацыи. ✓

От напряжения я стал незрячим.
Расслабься хоть на миг — и станешь трупом, —
И окропят тебя тюремным супом,
И пропойт куплетики дурацыи.

И я прошу у нервного огня:
Ведь ты всемогущ, выручи меня,
До остова сожми объемы тела.

Забуду нежность и стакан граненый.
Отныне у меня одно лишь дело:
Прошить их мир строкою вороненой.

Сонет 58

Лене

Кто думает о нас, когда мы там?
Кто поднимает ввысь свои крыла?
Лишь стоит опалить свои крыла,
Средь близких поднимается бедлам.

Коллеги наши тихо пьют агдам.
Они нас любят, но у них дела.
Родные нас ругают за "дела",
Они черствы душой не по годам.

Увы, витает над тюрьмой подруга.
Она в отчаянье, она в тоске.
Она летит по замкнутому кругу.

Живем мы на свободе налегке,
Но на момент, когда нам станет туго,
Мы держим ангела невдалеке.

Сонет 59

Нас разделяет с ними только дверь.
Мы — в штатском негодяи, стража — в форме.
Мы постоянно думаем о корме,
Они о нем не думают, поверь.

Лежит на нарах беспардонный зверь,
Давно забывший дедовские корни.
Тюремщик — тот же хищник, но покорный,
И потому не будет знать потерь.

Меж классами разрушены границы.
В аду, в раю дегенератов лица.
Утрачено понятие души.

Пришли подонки в мертвые столицы,
Наш мир заплонили алкаши,
Что нам за нежность воздадут сторицей.

Сонет 60

Я утром говорю судьбе спасибо,
За то что вечером остался жив.
Я по ночам не сплю, глаза смежив,
Борюсь остаться беззащитным, ибо

Здесь могут придушить изящно, либо
Станцуют на твоей спине ножи.
Попробуй слово лишнее скажи,—
И я стараюсь быть немым, как рыба.

Как жаль, что умереть дано лишь раз,
Будь то ГУЛАГ, Сенатская, Кавказ.
Ведь столько негодяев в нашем мире!

Им нет числа, их полчища несметны.
И я в стране святилищ и кумирен
Лишь потому мечтаю о бессмертье.

х х х

В детстве я боялся умереть.
Лишь глаза, бывало, я закрою,
Тело покрывается корою,
Чтобы я не забывался впредь.

В юности наивной свысока
Я на жизнь смотрел. Я был бессмертен!
Гениальней гения, поверьте,
Не создав ни строчки на века.

В молодости я искал секрет
Бытия в Писании Священном.
Принял бесталанное крещение
И увидел: суета сует.

В зрелости развеялся туман.
В зрелости незлой я больше физик.
Никакой благочестивый физик *шизик*
Не волеет мне в голову дурман.

Превратился многомудрый Бог
В добрую, бесхитростную сказку.
Благодарен я ему за ласку.
Да не будет он к поэту строг!

Но постигнув бытия закон,
Не могу на нем сосредоточиться.
Бога нет, но как бессмертья хочется!
Бога нет, но как прекрасен он!

х х х

О торжествующем мраке
Ты не напишешь пером.
Вспомним, друзья, о собаке,
Кошку помянем добром.

Сами мы— бывшие звери,
Только от них далеки.
Плотно закрытые двери,—
Черных зениц язычки.

Часто смотрю я на кошку,—
Сгусток космических лет.
Чувствую, сделав оплошку,
Злобный ее интеллект.

Гибкое божье творенье.
Чудится, что вот сейчас
Встанет она с четверенек,
Разумом хлынет на нас.

Как меня сказки бесили,
Я расскажу на духу.
Древние хищные силы
Заперты в теплом меху.

Глянешь в глаза — и потонешь,
Словно в пучине морей.
Четвероногий детеныш
Помощи просит морей.

Речи отрину сорочьи,
Истины светобоязнь.
Чувствую темною ночью
С ними жестокую связь.

РЕВНОСТЬ

За спиной недобрый стук,
То крадется ревность.
Отдохни в развилке рук,
Спящая царица.

Ревность, ревность — санитар
С длинною иглою,
Ревность — мстительный сердар
С ядом под полою.

Пота капельки на лбу —
Хорошусь, опальный.
Ты лежишь в моем гробу,
Сердце — гроб хрустальный.

Вздогнет чуткая спина,
Съежится от стука.
Ревность — пьяная жена,
Ревность — злая бука.

Не по силам мне игра,
Что-то сдали нервы.
Если в грудь войдет игла,
Ты погибнешь первой.

ВЛАДИМИРУ ХАНАНУ

На свете не стало печали,
Не стало печали на свете.
И звезды давно одичали,
И месяц не тих и не светел.

Печаль все напасти лечила,
В великих скорбях утешала,
Когда макрокосма пучина
В свинцовый затылок дышала.

В каком-то изысканном веке,
Блуждая у тихой запруды,
Трагический юноша некий
Развеял измену Гертруды.

Не надобно нам психиатров
И транквилизаторов тоже.
Нам сцена ночного театра
В тяжелых невзгодах поможет.

Закройте забытые ставни,
Спустите шуршащие шторы.
По доброй традиции давней
Ведите с собой разговоры.

Устал я от их информации,
От грозных пропеллеров шума.
Я слушаю гомон овец ..
С застывшей тоской тугодума.

Приверженец изб и новатор,
Вы слишком крикливы, вы внешни.
Мы вылечим совесть приватно
Великой печалью нездешней.

Когда, распиная на плахе,
Звериное рвется веселье,
Двадцатого века монахи
Уходят в прохладные кельи.

oooooooo